

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА -- 1924 г. — ЛЕНИНГРАД**

ШЕЙХ АБУ НАДДАРА

ОСНОВАТЕЛЬ АРАБСКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ПРЕССЫ В ЕГИПТЕ
(1839 — 1912)

В современной арабской литературе, про которую так мало знают не только обыкновенные читатели, но и специалисты, можно заметить целый ряд явлений, невольно заставляющих вспомнить эпоху ее расцвета в IX — X веке. Одним из таких фактов приходится считать участие в ее развитии не только арабов по национальности или мусульман по религии. Втянутыми в это течение оказываются даже европейцы: достаточно назвать обаравившуюся семью Корнелия Ван-Дейка, которому поставлен в Бейруте за его полувекую общественно-литературную деятельность памятник, или италианца Мансура Карлетти, многолетнего редактора одной арабской газеты в Тунисе. Персы и турки, копты и берберы принимают живое участие в возрождении арабской литературы XIX века; нации, даже далеко стоящие от арабов, выдвигают отдельных представителей. Армяне могут указать двух братьев Абкариус или Артына Пашу; курды по справедливости должны гордиться борцом за женское равноправие Касимом Амином или основателем одного из лучших научно-литературных арабских журналов Мухаммедом Курд Али, нынешним президентом дамаской Академии.

Реже, чем в IX — X веке, встречаем мы в этой пестрой, объединенной арабским языком массе евреев. Объяснение этому, быть может, дает с одной стороны сильное сионистское течение, с другой — ассимиляционное воздействие запада, который заставляет восточных евреев забывать про своих собратьев по крови, хотя общение с ними создавало когда-то эпохи, выдвигавшие еврея — еврейского поэта Негуду Галеви и еврея — арабского поэта Ибрахима ибн Сахля. Все же иногда и теперь на арене общественной и литературной жизни арабского востока мы видим евреев, оставляющих заметный след именно в арабской письменности. Примером этого может служить лицо, названное в заголовке; пользуясь случаем, я хочу вспомнить близкую 85-летнюю годовщину со дня рождения этого деятеля, имя которого едва ли не впервые появляется на страницах европейского издания.

Шейх Абу Наддара — «Старшина в очках» — прозвище, утвердившееся почти с начала литературной деятельности за Якубом сыном Рафаила Санну (James Sanna). Родился он в семье каирских евреев 9 февраля 1839 года и получил обычное для детей этого полу-арабского, полу-международного города первоначальное образование: с одной стороны, традиционно-еврейское, с другой — интернационально-арабское, сводившееся главным образом к практическому знакомству с новыми языками. Отец его был доверенным лицом у паша Ахмеда Йекуна, внука основателя хедивской династии Мухаммеда Али; паша рано заметил способности мальчика и дал ему возможность продолжить образование в Италии, в Ливорно, где он пробыл три года, занимаясь попрежнему, главным образом, изучением языков и литератур.

По возвращении в Египет Санну не застал уже в живых ни своего отца, ни покровителя; для него началась серенькая жизнь учителя новых языков, и только старые связи отца помогали ему находить хорошие уроки среди представителей хедивской фамилии.

Второй период его жизни совпал со временем хедива Исмаила (1863 — 1879), первая половина правления которого до наступления финансового кризиса открывала, казалось, блестящие перспективы для дальнейшего развития Египта. Прорытие Суэцкого канала (1869), признание Турцией автономии Египта (1873), подчинение стран к югу почти до экватора (1874) — все это вызывало подъем экономической и общественной жизни, отражавшийся в самых разнообразных сферах. К открытию Суэцкого канала хедив приурочил, между прочим, открытие оперного театра в Каире, где впервые была поставлена специально для этого написанная «Аида» Верди. При поддержке хедива, знавшего его лично, Якуб Санну пробует свои силы на драматическом поприще. В 1870-м году он устраивает в Каире первый арабский театр, для которого сам пишет пьесы, обнаруживая необычайную производительность: в короткое время он сочиняет 32 комедии, начиная с одно-актных и кончая пяти-актными, за что и получает от хедива немного комично звучащий в наших ушах титул «Мольера Египта».

В эту эпоху театр не был уже, строго говоря, новинкой для арабского востока. Первая серьезная попытка создания драмы на арабском языке была сделана еще в 40-х годах в Бейруте Маруном Наккашем; с его смертью, однако, предприятие заглохло и было возобновлено племянником покойного в Александрии только около 1874 года. Таким образом, для Египта театр Санну был все же первой ласточкой. Он сам, однако, не удовлетворяется этой деятельностью, основывает два небольших, научных общества, а в 1874-м году едет вторично в Европу. По возвращении оттуда он окончательно примыкает к кружку знаменитого Джемаль-ед-дина Афганского, с которым был знаком еще до поездки; выдающаяся личность последнего дает другой поворот всей его дальнейшей деятельности.

Фигура Джемаль-ед-дина (1838 - 1897) представляет несомненно одно из наиболее интересных явлений мусульманского мира во второй половине XIX века. Обыкновенно его считают основателем так называемого пан-исламизма, представление о котором достаточно расплывчато в умах европейских публицистов. Целью своего Джемаль-ед-дин ставил, повидимому, освобождение мусульманского мира от европейского влияния и объединение его в одно целое на почве мусульманства с выборными учреждениями в национально-автономных единицах. Роль его в освободительном движении Персии, развившемся с большей силой уже после его смерти, вскрыта за последние годы с достаточной ясностью.

Не с такой отчетливостью вырисовывается перед нами его деятельность в Египте, где он пробыл с 1871 по 1879 год. Не без его влияния проходило, повидимому, национальное движение во второй половине правления Исмаила, закончившееся восстанием Араби паши и оккупацией Египта англичанами. Несомненно, что его домашние лекции и беседы оформили то модернистское течение в исламе, которое впоследствии изложил в более или менее стройной системе его выдающийся ученик и друг, муфтий Египта Мухаммед Абдо (1842 — 1905). Разнообразие элементов, подпадавших под влияние его личности, показывает, однако, что ограничивать его деятельность рамками панисламистской пропаганды было бы слишком узко. Несмотря на крайне слабую литературную продуктивность, влияние Джемаль-ед-дина отразилось несомненно в самых разнообразных областях арабской литературы, при этом далеко не у одних мусульман, но и у христиан. Следы такого влияния можно было бы заметить в творчестве дамасского поэта конца прошлого века Селима Анхури-неизгладимый отпечаток общение с ним наложило на всю идеологию молодого публициста Адиба Исхака (1856 — 1885), одного из законодателей арабского газетного стиля, нервный слог которого так мало напоминает уравновешенного Мухаммеда Абдо.

Якуб Санну не мог не подчиниться обаянию личности Джемаль-ед-дина и его младшего друга Мухаммеда Абдо, знакомство с которыми завязалось у него на почве уроков французского языка. Он не представлял, конечно, такой оригинальной индивидуальности, как большинство перечисленных членов кружка Джемаль-ед-дина, но все же и он внес нечто новое в деятельность этой среды. Уже и раньше в своих комедиях Санну пользовался иногда вместо обычного литературного языка, не понятного широкой массе без школьного образования, простонародным египетским диалектом, путем которого было гораздо легче демократизировать те или иные идеи. Теперь, под влиянием бесед с Джемаль-ед-дином и Абдо, у него зародилась мысль о создании политическо-сатирической газеты на народном диалекте. Официальным редактором должен был быть Санну, главными сотрудниками Джемаль-ед-дин и Мухаммед Абдо. Газета вышла в 1877 году под названием «Абу Наддара Зарка» («Человек в синих очках»), имя — превратившееся с этой поры в литературное прозвище самого Санну. Успех ее был очень велик. Живой, непринужденный язык, понятный всякому умеющему читать и не похожий на обычный схоластический стиль, животрепещущие темы, участие — хотя и без подписей — хорошо известных литературных имен — все это создало необычайную популярность первой попытке заговорить с народом на народном языке.

Еще до этого времени у Санну произошел разрыв с прежним меценатом хедивом Исмаилом, неосмотрительная финансовая политика которого за вторую половину правления веда страну к полному краху и все более настойчивому вмешательству европейцев. Санну не сдерживал своих саркастических выпадов по адресу «старшины квартала», и в этом прозрачном псевдониме хедиву было не трудно узнать себя. О дальнейших результатах тоже не трудно догадаться: газета на 43-м номере была закрыта, и «человеку в синих очках» пришлось эмигрировать в Европу. Когда он был уже на палубе парохода в Александрии, провожаемый громадной толпой своих почитателей, друзья обратили его внимание на «старшину квартала» — хедива, проезжавшего в это время по набережной, чтобы позлорадствовать над изгоняемым врагом. «Ничего, — ответил Санну, — через год ему самому придется уехать». Слова оказались пророческими: в 1879 году хедив Исмаил был низложен по настоянию европейских держав.

После эмиграции Санну поселился в Париже и здесь продолжал свою деятельность в прежнем направлении. В том же 1878 году он выпустил газету под несколько измененным заглавием «Странствование человека в очках». Она встретила в читающей публике на родине прежний успех: тираж ее доходил до 15 тысяч — цифра для арабского периодического издания того времени очень солидная. Цензурные условия часто заставляли редактора менять заглавие своего органа: назывался он и «Человек со свистком», и «Человек с флейтой», и «Заклинатель», и «Египетский патриот» и т. п. По существу она не меняется, выставляя своим девизом «Египет для египтян»; прежними остаются и главные сотрудники Джемаль-ед-дин, Мухаммед Абдо и примыкающий к ним Абдаллах Недим (ум. 1897 г.). В 1887 году Санну сделал первый в арабской журналистике опыт выпуска газеты с иллюстрациями и здесь не побоявшись быть пионером.

С переездом в Париж он принимает участие в французской общественной жизни, выступая с докладами и лекциями и сотрудничая в газетах «Temps», «Matin», «Figaro» и др. Владение языками позволяет ему иногда щеголять своего рода фокусами — в 1886 году он выпускает газету «Египетский болтун» на 8 языках, в 1900 г. на парижской выставке произносит речь на 10 языках. Его политическое влияние на общественное мнение мусульманских стран сильно растет, и все властители стараются в нем заискривать. У него происходят свидания с шахом Персии, хедивом Аббасом; у султана Абдулхамида он одно время играет роль его неофициального представителя при президентах Карно и Лубе. Не отказываясь от сношений с властителями, Санну, однако, оберегает свою самостоятельность; несмотря на усиленные приглашения хедива Аббаса, он отказывается вернуться в Египет, «пока

там англичане». Всеобщее признание его заслуг ярко обнаруживается в 1902 году, когда празднуется 25-летний юбилей его первой газеты, еще больше в 1905-м, когда чувствуется впервые в арабском мире полувековой юбилей литературной деятельности.

Годы не ослабляют отзывчивости Санину к общественным событиям: еще в 1908 году он едет на несколько дней в Константинополь, чтобы присутствовать на торжествах по случаю конституции. Лишь почти полная потеря зрения заставляет его отказаться от газетной работы: 31 декабря 1910 года он выпускает последний номер «Человека в очках» после 34-летнего существования газеты под разными названиями. Умер Якуб Санину 30 сентября 1912 года.

Для полной характеристики его взглядов и деятельности потребовался бы, конечно, другой объем настоящей заметки. На его примере можно показать, что и современная арабская литература обладает для не араба теми же притягательными свойствами, какие отличают ее в эпоху расцвета. В свою очередь элементы, вовлекаемые в ее сферу, очень часто вносят новую струю в основное течение. Быть может, в таком взаимодействии кроется секрет жизненности этой арабской литературы, обнаружившийся в возрождении XIX века, несмотря на целый ряд неблагоприятных условий предшествующего периода.

И. Крачковский

